

К Новой Революции. Манифест «Друзей Дуррути».

Друзья Дуррути

Середина 1938

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Увертюра к испанской революции	7
19 июля	12
3 мая	17
Независимость Испании	20
Коллаборационизм и классовая борьба	22
Наша позиция	24
Наша программа	28
К новой революции	30
О ГРУППЕ «ДРУЗЕЙ ДУРРУТИ»	32
Предисловие к английскому изданию книги А.Гильямона	33
«ДРУЗЬЯ ДУРРУТИ»	39
Некоторые заметки о членах Друзьей Дуррути	42

ВВЕДЕНИЕ

Сорок лет назад...

Группа «Друзья Дуррути» была образована в начале 1937 года. Её активистами и опорой стали известные товарищи-анархисты с фронта в Гельсе. Оставаясь верными своим анархистским убеждениям, они отказались подчиниться милитаризации, и в итоге вернулись в столицу Каталонии Барселону, где вместе с другими барселонскими товарищами сформировали группу. Своим символом они избрали фигуру Буэнавентуры Дуррути – идеалиста, посвятившего всю жизнь своим анархистским убеждениям. Он был человеком действия, как это показала его героическая смерть на мадридском фронте: в том героическом вневременном Мадриде, который продолжает жить в крылатой фразе: «Viva Madrid sin gobierno!» – «Да здравствует Мадрид без правительства!». Этот непокорный дух мадридского народа оставался жив в течение всей осады столицы, и именно он стал духом Группы. Таким образом, фронтовые бойцы в Гельсе (участники колонны Дуррути на Арагонском фронте) стали носителями идеи «Держись и борись до конца!». На похоронах Дуррути Барселона почтила его крупнейшими народными демонстрациями в своей истории; каталонский пролетариат наводнил улицы, чтобы попрощаться с человеком, отдавшим свою жизнь за дело обездоленных всего мира.

Кратко обрисовав природу нашей Группы, перехожу к краткому предисловию к нашей брошюре «Hacia una nueva revolucion» (К новой революции). Прежде всего, когда он был написан? Где-то в середине 1938 года Следует обратить особое внимание на то, что для нас написание этой брошюры, под тем заглавием, которое мы ей дали, в тот трагический для испанского пролетариата час было крайне вызывающей акцией... Несмотря на героизм и упорство, пролетарии страны стояли на грани ужасного поражения, так как не смогли подавить контрреволюцию, ведомую сталинистами, которых поддерживали реформисты из руководства Национальной Конфедерации Труда (CNT), Иберийской Анархистской Федерации (FAI) и высших эшелонов государства. Стоял 1938 год (40 лет назад); война была проиграна, и на всех боевых фронтах мы терпели поражение из-за предательства сталинистов, занимавших ключевые позиции в процессе принятия решений и выполнявших приказ Сталина: ослаблять вооружённый испанский пролетариат. В этот трагический час мы, группа Друзей Дуррути, на нашем последнем собрании, после длительного изучения той катастрофы, в которую нас ввергла контрреволюция, несмотря на размах этой катастрофы, отказались смириться с окончательным поражением. Предательская политика премьер-министра Республики Ларго Кабальеро (1936-1937) разъела революционный дух тыла, а пораженческое, капитулянтское правительство премьер-министра Негрина (1937-1939) придало поражению масштаб массового жертвоприношения. По этой причине мы решили опубликовать брошюру «К новой революции», которая была посланием надежды и решимости возобновить борьбу против международного капитализма, мобилизовавшего в 1930-е годах свою жандармерию (своих чёрнорубашечников и коричневорубашечников), чтобы сломить испанский рабочий класс во главе с анархистами и революционными рядовыми членами Национальной Конфедерации Труда.

Накануне Июля 1936 года мы можем видеть резкий разрыв между Испанией испанского пролетариата и той теократической, черной Испанией, которую он стремился уничтожить. Черной Испанией правили крупные землевладельцы, отдавшие

экономику страны в руки иностранных держав. Эта борьба шла веками с 15 столетия до 1936 года: борьба свободы против тирании, прогресса против обскурантизма, вековая борьба, в которой участвовала Национальная Конфедерация Труда, чьи борцы становились мишенями жестоких репрессий со стороны монархии Альфонса XIII, деда Хуана Карлоса, нынешнего монарха, навязанного испанскому народу международным капитализмом. Он был навязан под воздействием того ужаса, который вызывает революционная Испания у всех сотрудничающих сил капитализма тремя годами своего восстания в 1930-е года. Оттуда проистекает страх, испытываемый сегодня осью Вашингтон-Москва и треугольником Бонн-Париж-Лондон.

Сорок лет спустя значение написанного нами в те часы, полные страсти и горя, раскрывается в полной мере. В 1930-е испанский пролетариат ринулся в генеральное сражение, и сегодня он, несмотря на поражение на фронтах, подорванных убийственной политикой коммунистов, снова пустился в великое приключение революции. Обнадёживающие знаки можно наблюдать в замечательном юном поколении, закалённом в тюрьмах, вооружённым знаниями из книг, в частности написанных революционерами, которые твёрдо противостояли сокрушительной контрреволюционной волне. В вопросах теории они, быть может, вооружены лучше людей Июля 1936 года, очарованных величием социальной революции, лучами её славы на иберийской земле, революции, которая при надлежащем подходе могла стать первым шагом европейской и, следовательно, мировой революции.

В брошюре 1938 года мы говорили о том, что все революции тотальны. Это следует понимать и истолковать в том смысле, что все революции интегральны (целостны). Это означает, что их нельзя делать наполовину или однобоко, без того, чтобы великое здание революции не рухнуло. Ужасно, когда думаешь о том, как печально заканчиваются революции. Испанская революция была обречена на гибель с того момента, когда революционный дух и война были разделены. Взять, например, декрет о милиаризации милиции. Учитывая сохранение государственных структур, у испанской революции не было шансов на спасение. Комитеты защиты, контрольные патрули и коллективы были распущены. Это было подготовкой бюрократии и буржуазии к наступлению каталанского пролетариата в мае 1937 года, когда рабочие пытались вернуть завоевания Июля.

Майские события описаны в нашей брошюре. Уроки Мая безошибочны. Революции не могут ограничиваться тем, что охватывают лишь родной край. Новая испанская революция, если она произойдёт, должна принять европейские масштабы. Сегодня Европа находится на вулкане. Верные нашей заповеди 1938 года, мы будем бороться за новую европейскую революцию, также как испанская революция 1936 года и португальская революция 1974 года должны считаться европейскими. Обе пострадали от одного и того же упущения – они оставили государство нетронутым, и в обоих случаях псевдо-революционеры восстановили госструктуры, когда те трещали по всем швам.

Рабочие Европы должны помочь испанскому пролетариату в его борьбе против мирового капитализма, которая уже велась на нашей земле. Европейская солидарность окажется незаменимой, когда нужно будет свергнуть монархию, навязанную испанскому народу мировым капитализмом. Пролетарская Испания снова послужит катализатором для пролетарской Европы, если мы установим тесный союз с револю-

ционными рабочими Испании в противодействии капиталистической осаде, тайно одобряемой социалистами и коммунистами.

Внешнее воздействие испанской революции 1936 года, которое могло положить начало циклу неминуемых европейских революций, привело в ужас капиталистических магнатов, которые видели в ней увертюру к её распространению на весь континент – и поэтому уничтожали испанский народ!

Мы указали на причины поражения, но хотим подчеркнуть необходимость подготовки истинного пролетарского интернационализма, который должен проявиться в создании мощного европейского либертарного движения. Пусть нашей единственной надеждой будет то, что либертарный дух молодых европейцев этой Европы, стоящей лишь в одном шаге от фашизма, не сведётся к нулю. Новая испанская революция зарождается: осталось только организовать мобилизацию всех европейских революционеров вокруг Испании, которой удалось устоять, несмотря на ужасное кровопролитие, развязанное мировым капитализмом в течение 1930-х, несмотря на годы террора в 1940-е и при теперешней монархии.

Монархия – это порождение оси Бонн-Париж и наёмников американской жандармерии, при молчаливом согласии СССР.

Хайме Балиус, 1978. (участник группы «Друзья Дуррути»)

Увертюра к испанской революции

История и интерпретация классовой борьбы в Испании до 1938 года.

Политический круговорот, принявший в Испании форму смены у власти конституционалистов и абсолютистов («эль классико турно»), безвозвратно пал после путча, поднятого в 1923 году в столице Каталонии пьяным, сварливым генералом.

Диктатура Примо де Ривера стала прямым итогом политики дурного управления, монополий, бюрократических фильтров, переделов собственности, концессий и всей волны выкачивания доходов с благословения властей. Военная реакция 1923 года была непосредственной следствием одной из тех причин, которые привели нашу страну к обнищанию и поглотили весь национальный бюджет. Колониальная власть Испании расплодила целую галерею авантюристов, купцов, профессиональных политиков и когорту торговцев дешёвой плотью. Пока у бюрократии сабли и у капитанов индустрии оставался простор для грабежа и разбоя в заморских колониях, Испания могла сохраняться и продолжать действовать более или менее по-старому. Но колониальная катастрофа привела к краху данного положения, поддерживаемого бессовестным, безжалостным меньшинством. В конце XIX века военные лишились всех желанных им трофеев – Кубы, Филиппин, Пуэрто-Рико и других колоний, в результате поражения в войне 1898 против США. У них не было другого выбора, кроме возвращения на иберийский полуостров, с галунами, запачканными кровью, неся на себе позор людей, непригодных даже для своей собственной профессии – людей оружия. Начиная с этого момента, испанский народ столкнулся с проблемой военных. Тысячи этих протеже короля-сифилитика вернулись, чтобы пожирать уроженцев своей родины, не имея больше возможности грабить народы колоний, которые прокляли представителей Испании, как воров и убийц с генеральскими кушаками и шевронами.

Государственная казна срочно нуждалась в новых рынках. Конференция в Альхесисрасе открыла для нападения границы Марокко. Шахты Рифа, к которым стремился граф Романонес, стали бездной, алчущей крови и денег испанского народа. Марокканская авантюра стоила национальной казне миллиард песет, не считая многих тысяч жизней, принесённых в жертву финансовому картелю, представленному графом Романонесом.

Самыми страшными моментами испанской бойни, развернувшейся вокруг запасов железа на территории племени Бени-Бу-Ифур, недалеко от гор Аф-Латен, стали трагедии Баранко-дель-Лобо и Ануала. Военные всегда висели камнем на шее рабочего народа. Достаточно вспомнить зловещей памяти Хунты защиты – движения за реформы в армии. Их инициатор, полковник Маркес, пытался придать им либеральный облик, но покровительственные интриги Ла Сьервы намного перевесили быстротечную добрую волю полковника, которого впоследствии подвергли преследованиям и посадили в тюрьму в Монжуике. Генерал Примо де Ривера и был воплощением всего этого упомянутого нами прошлого.

Опираясь на мощь Лопеса Очоа и при помощи буржуазии, латифундистов, клира и финансистов, он потрясал своим мечом с вершин власти. Есть письменное доказательство, что этот бывший генерал-капитан Каталонии подключился к делу для того, чтобы скрыть результаты расследований Пикассо, в которых напрямую фигурировали Альфонс XIII и его соломенное чучело – генерал Сильвестр. Такое истолкование

фактов, несомненно, хорошо обоснована. Но главным толчком к действиям военных стало, конечно же, волнение в рабочем классе.

Устав от насилия и систематического ограбления, рабочий класс готовился к изгнанию с испанской земли всех виновных в его бедах. Финансовая и промышленная буржуазия предоставила армии все свои ресурсы. Она ограничивала займы, занималась саботажем экономики, прибегала к массовым увольнениям и провоцировала забастовки. Каталонская буржуазия с ликование приветствовала армейскую диктатуру в польском стиле (по примеру диктатуры Пилсудского). Эру Примо де Риверы следует считать попыткой правящего класса ослабить рабочий класс, чьи действия обещали принять ещё более конструктивную форму. Эта месть стала осовремененным и более осмысленным действом в духе прошлого, с той же моральной подлостью и вечным высокомерием мучителей Испании, всегда благородной в своих отрепьях. Затем флиртующего генерала сменил Беренгер, замещённый в свою очередь Аснаром¹.

А на самом верху стоял граф Романонес, агент разведки, который следил за передачей власти от Монархии своему бывшему секретарю, дону Нисето Алькале Саморе, будущему президенту республики в 1931–1936 годах. Он, вместе с сыном Мауры и с помощью Мараньона, дворцового врача (а также службы разведки), заложил основы Республики, и она не могла не иметь самого мерзкого конца.

Новая Республика была абсолютно непопулярной. Вместо того, чтобы следовать социалистическим ориентирам, закалённым на улицах, власть захватили те же паразиты, что и во времена Бурбонов. Власть оказалась в руках политиков – добрых слуг монархии. Алькала Самора был строптивым монархистом, представителем церкви и помещиков. Асанья, тогда еще военный министр, когда-то принадлежал к партии Мелькиадеса Альвареса. Мигель Маура (сын бывшего премьер-министра, будущий министр внутренних дел республиканского правительства в начале 1930-х) – ещё одним роялистом. Александро Лерус – человеком без чести... Безутешная Испания встала на дорогу предательств, бессмысленных секретных встреч.

Ценой апрельской комедии – провозглашения республики в апреле 1931 года – стали потоки крови. Апрельская республика породила катастрофу. Сын человека, убившего Феррера² и еще 108 человек, министр, отдавший приказ стрелять «по усмотрению», превратил наши деревни в сеть могильных крестов. Увидев, как жестоко подавлены их надежды, трудящиеся в гневе обернулись против апрельского фиаско. Мигель Маура мобилизовал вооружённые силы своей новоиспечённой республики на подавление и уничтожение рабочих. Пазахес Арнедо, Кастильбланко, Севилья, Каталония... – все это продемонстрировало подлинную природу Республики, которая изгнала монарха, но сохранила его деньги и посадила его на корабль. Семья Альфонсо XIII обменялась тёплыми рукопожатиями с генералом Санхурхо. В августе 1932 года, а затем снова в 1936 году этот генерал атаковал народ, преданный политиками, которые развязали генералу руки. И этот убийца имел монархистское происхожде-

¹ военные премьер-министры, правившие Испанией после отставки Примо де Риверы в 1930 г.

² в 1909 г. консервативное правительство Мауры подавило рабочее восстание в Барселоне и осудило на смерть знаменитого либертарного педагога Ф. Феррера.

ние. По свидетельствам, граф Романонес произнес на станции Эскориаль: «*Hasta miu pronto*» (До скорой встречи).

Республика занялась бесконечной болтовней. Законодательные кортесы не решили ни одной проблемы. Вопрос об армии, который могли разрешить только радикальные меры, превратился в фарс. Асанья позволил военным выйти в отставку на исключительно выгодных для них условиях; результатом стало широкое возмущение в непродуктивных слоях населения, а казармы остались в руках монархистского офицерского класса. Точно так же, религиозный вопрос был обойдён стороной. Церковь следовало экспроприировать без всяких компенсаций, не говоря уже о прекращении финансирования религии и священников из государственного бюджета. Этого сделано не было. Вместо этого религиозные ордена были легализованы, и толпы людей, нашедших прибежище в 300 религиозных орденах и 6000 мужских и женских монастырях, получили гражданские права. Не было сделано ни одной попытки искоренить эту раковую опухоль, пожиравшую испанскую землю в течение столь многих веков. Либеральная администрация Мендисабаля 1830-х годов добилась большего, чем эта Республика, – закрывала монастыри, отменило десятину и продавала церковную землю, – несмотря на то, что у Республики 1930-х годов было преимущество в сто лишних лет опыта. Ей не удалось конфисковать 5 млрд. песет иезуитских инвестиций в национальную экономику. Не было найдено решения финансовой проблемы. Были признаны долги и обязательства монархии. Бюджет раздулся до рекордного размера. Непроизводительные классы расширяли своё влияние, и бюрократия разрослась до чудовищных размеров.

Государственный долг, составлявший в 1814 году трех миллиардов песет, феноменальным образом вырос с утратой колоний и марокканской катастрофой (с небольшой дефляцией во времена Вильяверде), достигнув при апрельской республике астрономической суммы в 22 миллиарда. 14 апреля принесло защиту для рантье и угнетение для потребителя. Арендные платежи взимались безжалостно. Проводилась открыто буржуазная политика, хотя у власти стояла Социалистическая партия. Монополии диктовали свои условия, а контрабандист Марч мог уходить от тюрьмы, как и когда ему заблагорассудится. Проблема законодательных актов также не разрешалась удовлетворительным образом. В тех или иных статьях конституции могла идти речь о федеральной или федеративной республике, но, несмотря на это, господствовал централизм.

Аграрная проблема: Институт по аграрной реформе стал гнездом кумовства. Каждый год обеспечиваться землей должны были 5 тысяч крестьян, в то время как нуждались в ней 5 миллионов. С такой до смешного оптимистичной политикой реформа должна была завершиться через тысячу лет!

Республика подошла к вопросу о труде с ужасающей демагогией. Рабочий контроль свелся к такому делегированию власти, какое определялось знакомством и покровительством. После дела «Телефоники» встал вопрос о колониальном положении Испании³. Хотя Прието, лидер Соцпартии, выступая в мадридском «Атенео», бравируя, назвал контракт, касающийся «Телефоники», односторонним, властям

³ в ходе конфликта между работниками телефонной компании и ее американскими владельцами в 1931–1932 гг. власти решительно встали на сторону хозяев.

было легче всякий раз расстреливать рабочих компаний, когда они выходили на улицы, нежели вступать в конфликт с североамериканским капиталом.

Мы пережили два периода: «красный» – период власти либералов и социалистов в 1931-1933 годах, – и «чёрный» – период власти правых до 1936 года. При обоих рабочий класс подвергался жестоким гонениям. Социалисты действовали как лакеи капитализма. Законы о защите Республики, об общественном порядке и Закон 8 апреля о принудительном арбитраже трудовых конфликтов были полностью репрессивны по своей природе. Правые использовали их по своему усмотрению. Реакцией рабочих стали поджоги монастырей, события (рабочие восстания) в Барселоне и Фигольсе 8 января и 3 декабря 1933 года. Депортации восставших и активистов CNT в Бату и Вилья-Сиснерос послужили дальнейшими шагами к сдаче Республики вечным врагам пролетариата. Оба периода были трагичными. Ответственность за доминирование правых лежит на социал-демократах. По их вине революции не удалось избежать иностранной интервенции. В апреле 1931 года ещё не были забыты неприятности итальянцев при эфиопском Адуа в 1896 году, а гитлеровцы еще не построили свое националистическое, тоталитарное государство. Обстоятельства были благоприятными. Но предательство социалистов и реформизм Пестаны внутри CNT и его прислужников – «трентистов», – предотвратили наступление момента истины (позже он обошёлся гораздо дороже). Из этой дурно собранной смеси родился Октябрь – восстание астурийских рабочих 1934 года. Астурия стала увертюрой к Июлю. Там разгорелась яростная и храбрая схватка. В Каталонии Денкас, националистический госсекретарь правительства по внутренним делам, сделал все, чтобы удержать рабочий класс от решительного восстания. Всё что хотели сделать социалисты в октябре, так это не позволить Алькале Саморе передать власть правым; для этого они нагоняли на него страх своими забастовками. Если бы они действительно хотели революции, то воспользовались бы крестьянским восстанием в июне 1934 г. или скоординировали бы действия в городе с деревней. Но рабочий класс избавился от социалистов. Правое правительство Лерруса – Хиля Роблеса продержалось у власти два года (1934-1936) – два чёрных года репрессий и тюремных заключений, а их кульминацией послужили выборы под лозунгом Народного Фронта «свободу заключённым» (*elecciones pro-presos*), плодом которых стали июльские события.

19 ИЮЛЯ

Трагедия Испании бесконечна. Самое живое перо не смогло бы описать трагедию народа, тело и душа которого изранены ужасами прошлого и настоящего. Наши писатели неспособны дать точное описание крестных мук нации, словно рождённой для страданий. В феврале 1936 г. печальная картина испанской сцены была предельно мрачной. Испания стала тогда одним огромным тюремным лагерем. Тысячи рабочих были брошены за решётку. Мы оказались на пороге Июля. Нам следует вспомнить события, которые привели к армейскому мятежу. Политика чёрного двухлетия обанкротилась. Хиль Роблес не насытил аппетитов своих последователей. Возник конфликт между Алькалой Саморой и вождём правой партии «Народного Действия» Хиля Роблеса. Иезуиты поддерживали президента Республики. Он был их новой надеждой: ведь не просто так он поднял флаг конституционной реформы и религии. Сколько могли бы удержаться Кортесы, было неясно. Радикалы вышли из правого блока, чувствуя себя отчуждёнными от сердца народа. Бурные заседания стали отражением политики, низкой, отвратительной и преступной по своей грубости. Пролетариат начал как следует осознавать себя. На гигантские сбираща на мадридском стадионе, в Барселоне и Валенсии собирались огромные толпы. Остаётся сожалеть, что эти проявления решимости и бунтарского духа послужили возрождению репутации старой реакционной фигуры Асаньи, который возглавил «Народный фронт» в 1936 году. Эту ошибку впоследствии пришлось оплачивать с процентами. Алькала Самора полагал, что держит ситуацию под контролем. Кортесы были распущены. Мятежные генералы Франко, Годед, Кабанельяс, Кейпа де Льяно, Мола – все они были марионетками Саморы. Он нашёл финансиста-бандита, некоего Портелу Вальядареса, которого сделали премьер-министром в начале 1936 года, чтобы осуществить свой план. Государственные ресурсы подвели галисийского царька. Несмотря на предвыборные затруднения и одобренный министерством список кандидатов, февральским выборам не удалось успокоить ум нашего святоши. Когда его планы нарушились, Алькала Самора заставил Портелу объявить чрезвычайное положение. Портела не осмелился. Он понимал, что народ Испании вышел на улицы, и порекомендовал призвать Асанью. Он оказался прав. Политик «красного» периода должен был послужить временным успокаивающим средством. Именно этого добивались реакционеры в то время: передышки, во время которой должны были быть добавлены последние штрихи к плану путча, подготовленного генералами, которые посещали Пласа де Ориенте. Успешные февральские выборы не раскрыли глаза социалистам. Гигантские шествия протеста против массовых арестов, энтузиазм после освобождения заключённых, арестованных во время великой октябряской драмы, – всё это не говорило им ничего нового. Они цеплялись за свои старые привычки: новые Кортесы, ещё одни выборы на пост президента Республики. Они придерживались планов Алькалы Саморы и его схемы контроля над военными,

а не взглядов народа. Но пролетариат усвоил жёсткие уроки этих двух периодов, которые он пережил. Он выходил на улицы. Бунтари поджигали религиозные центры. Ропот заключённых сотрясал тюремные стены. В волнение пришли и город, и деревня. Безграмотность социал-демократов оттягивала народную вспышку. К счастью, через пять месяцев неопытность правых и их неспособность оценить истинную, контрреволюционную роль президента республики Асаньи и Прието всё-таки привели улицы в движение. Насилие вспыхивало спорадически с февраля по июль. И снова лилась кровь рабочих. Забастовка строительных профсоюзов в Мадриде и столкновение в Малаге продемонстрировали идиотизм февральских политиков. Правые открыто мобилизовались для атаки на положение, порожденное эмоционально напряжёнными выборами. Фашисты трусливо убивали, порождая ненависть своими неожиданными нападениями. Появилось смутное предчувствие, что в Испании что-то назревает. Постоянно говорилось об армейском мятеже. Сомнений не оставалось. Пролетариат выходил на дорогу к Июлю. Правительство отступило. Столкнувшись с выбором между фашизмом и пролетариатом, оно выбрало первый. Чтобы замести следы, Предатель Номер Один, Касарес Кирога, премьер-министр весной-летом 1936 года, запугивал правых с правительственные скамей, призывая их выйти на улицы. Взрыв вызвало убийство Кальво Сотело, одного из лидеров правых. Пошли слухи, что армия может выйти на улицы в любой момент, и они казались достоверными. Какие превентивные меры предприняло ли правительство? Франко командовал гарнизоном на Канарских островах, Годед – на Балеарских, Мола – в Наварре... Почему все они не были уволены? Фашисты могли также полагаться на влиятельную поддержку в правительственные кругах! 17 июля беда, которую нам удавалось отражать какое-то время, сбросила с себя маску. На Балеарских островах, в Марокко, на Канарах офицеры подняли открытый мятеж. Что было сделано для того, чтобы решительно прекратить его? Что предприняло правительство негодяя Касареса Кироги? Оно застыло в полной инерции. Скрыло от народа всю серьёзность ситуации. Ввело жестокую цензуру. Разоружило пролетариат. Между 17 и 19 июля ещё оставалось время, чтобы заставить милитаристов капитулировать. Но преобладало весьма подозрительное самоубийственное отношение. Касарес Кирога – сообщник Молы. Он поддерживал его в Памплоне, даже после того, как тот открыто выступил против результатов февральских выборов, и, несмотря на покровительство, обращался ко всем правым заговорщикам. Предательство левых было явным. Народу не было выдано оружие, потому что буржуазные демократы боялись пролетариата. В Сарагосе помогла победить фашистам позиция губернатора Веры Коронеля, который лгал на переговорах с представителями рабочих. А в Валенсии, когда вся Испания уже вступила в борьбу, мятежникам разрешили оставаться в своих казармах. В этот исторический, кровопролитный час, не со сладкоречивыми речами обращаемся мы к тем республиканским политикам, которые открыто действовали в пользу фашистов из-за своего страха перед рабочим классом. Мы обвиняем Асанью, Касареса Кирогу, Компаниса (главу Каталонии) и социалистов, весь республиканский фарс, построенный на одноактной апрельской сценке и опустошивший дома рабочих. Это произошло оттого, что в нужное время не совершилась революция. Народ должен был сам искать оружие. Он взял его по праву завоевателя, завладел им своими си-

лами. Ему ничего не дали: ни правительство Республики, ни Женералитата – ни единой винтовки!

19 июля, как и в прежде в подобных случаях, пролетариат занял свои позиции на улицах. Несколько дней он контролировал улицы всех населенных пунктов Испании. В столице Каталонии ожили воспоминания о славном прошлом. Сначала рабочие захватили оружие с кораблей, стоявших на якоре в порту Барселоны: «Мануэль Арнус» и «Маркес де Комильяс». На рассвете 19 июля военные хлынули на улицы, в ответ народ Каталонии атаковал казармы и сражался до тех пор, пока не пал последний фашистский редут. Каталонский пролетариат спас пролетариат Испании от фашизма. Пролетарская Каталония стала маяком, бросающим свет на всю Испанию. Пусть сельские регионы Испании находятся в руках фашистов – мы, рабочие промышленных зон, освободим наших товарищ из рабства. В Мадриде положение развивалось по той же схеме. Оружие там также не выдавалось; его захватывали на улицах. Пролетариат сражался и атаковал казармы Монтаны, возобладав над солдатней. А затем, с винтовками и всем, на что они могли наложить руки, рабочие вышли к Сьерре-де-Гуадаррама, чтобы остановить наступление генерала Молы. Он готовился к захвату столицы Кастилии при поддержке наваррских бригад. Фашизм был разбит наголову на Севере, в Леванте и в некоторых местностях Арагона, Андалузии и Эстремадуры. Но в остальных частях полуострова рабочих разоружили, и им приходилось бороться с левыми губернаторами, которые расчищали дорогу испанским фашистам.

Касарес Кирога открыл дорогу правительству Мартинеса Баррио. Этот политик, торпедировавший апрельские конституционные кортесы, стремился к власти, чтобы достичь взаимопонимания с фашистами и передать им власть. Быстрые ответные действия рабочего класса предотвратили одно из самых подлых предательств в истории. Если это предательство не осуществилось, то только из-за недостатка времени. Политики, начиная с Асаньи, должны заплатить за эти подлые маневры своими головами. Этот изначальный пессимизм и предложение капитуляции, циркулировавшие в военных кругах, были в ярости сметены пролетариатом. Мартинеса Баррио сменил Хираль. Мы представили анекдотический очерк того, как развивались события. Но он вынуждает нас подробнее остановиться на Июле и проанализировать, какая же революция совершилась в те славные дни. Насчёт Июля строили множество теорий. Буржуазные демократы и марксисты настаивают на том, что вспышку народного возмущения в июле следует классифицировать как законный акт самозащиты пролетариата, атакованного его худшим врагом. Используя это как свой основной тезис, они, таким образом, утверждают, что Июль нельзя считать типично революционным, классовым явлением. Но это утверждение наших оппонентов является ошибочным. Революции происходят непредвиденно, но им всегда предшествует период созревания. Апрель открыл одну эру и закрыл другую. И на самой авансцене апрельской эры, и до сих пор рабочий класс продолжает занимать передовые позиции в революции. Если бы пролетариат не вышел на улицы в Июле, он сделал бы это в другой раз, но не остановился бы в этом благородном начинании: сбросить ярмо буржуазии. Мелкая буржуазия голословно утверждает, что мы – все «мы», все оттенки мнений – были на улицах. Но мы должны напомнить, что только CNT и FAI, бросавшиеся туда, где было опаснее всего, предотвратили повторение октябрьской комедии в Барселоне. В

Каталонии CNT преобладала среди организованных рабочих. Если кто-то отрицает это, то от безграмотности или в попытке замолчать историю CNT на Каталонской земле. Движущей силой Июльской революции были рабочие, и, как таковая, это была классовая революция. Все, что сделала мелкая буржуазия на улицах и на теоретическом уровне, – не более, чем запоздалые размышления. Но есть и другие основания, не менее, а может, и более важные. Память о политических условиях, созданных капитализмом в XVII, XVIII и XIX веках, померкла. Более того, мелкобуржуазные демократические иллюзии насчёт обещаний 1873 г. или апреля были разбиты. После Февраля единственным возможным видом революции в Испании осталась социальная революция – подобно той, что так великолепно вспыхнула в Июле. Апрель стал поворотной точкой. Этого было достаточно, чтобы предотвратить повторение нами той же самой ошибки.

Мы говорим не только о направленных против нас репрессиях. Мы ограничимся только одним абсурдным аргументом марксистов. Как нам объяснить тот факт, что в Июльской революции мы увидели повторение ошибок, которые мы критиковали сотни и сотни раз? Как получилось, что мы не отстояли социальную революцию в июле? Почему рабочие организации не взяли страну под свой максимальный контроль? Огромное большинство рабочего населения поддерживало CNT. В Каталонии CNT была организацией большинства. Как получилось, что CNT не совершила своей революции, народной революции большинства пролетариата?

Случилось то, что должно было случиться. У CNT полностью отсутствовала революционная теория. У нас не было конкретной программы. Мы не знали, куда идём. В нас было много лирики; но когда всё было сказано и сделано, мы не знали, что делать с нашими рабочими массами или как придать народному вдохновению в наших организациях вещественность. Не зная, что делать, мы преподнесли нашу революцию на блюде буржуазии и марксистам, которые поддерживали вчерашний фарс. Хуже того, мы дали буржуазии необходимое пространство, позволив ей вернуться, реорганизоваться и повести себя, как завоеватель.

CNT не знала, как осуществить свою роль. Она не хотела двигать революцию вперёд со всеми последствиями. Она была запугана иностранными эскадрами, утверждая, что по Барселоне откроют огонь с кораблей английского флота. Но была ли когда-либо совершена революция без преодоления бесчисленных трудностей? Была ли в мире революция передового типа, которая смогла бы избежать иностранной интервенции? Используя страх, как трамплин, и позволяя робости править собой, никто никогда не сможет победить. Только дерзкие, решительные, храбрые люди могут добиться великих побед. У робких нет права вести за собой массы. Когда всё существование организации посвящено проповеди революции, она обязана действовать при любой благоприятной возможности. А в июле такая возможность представилась. CNT должна была занять место у руля страны и нанести завершающий, смертельный удар по всему устаревшему и архаичному. Так мы могли бы выиграть войну и спасти революцию.

Но она сделала нечто противоположное. Она пошла на сотрудничество с буржуазией в делах государства, именно в тот момент, когда государство рушилось со всех сторон. Она приободрила Компаниса с компанией. Она вдохнула полные лёгкие кислорода анемичной, охваченной ужасом буржуазии. Одна из основных причин

того, почему была задушена революция и вытеснена CNT, состоит в том, что она действовала, как группа меньшинства, несмотря на то, что у неё было большинство на улицах. Встав в положение меньшинства, CNT не могла добиться преобладания своих планов; её постоянно саботировали, и она попала в сети беспорядочной, лживой политики. В Женералитате и в Городском совете мы имели меньше мест, чем другие силы, хотя у нас было намного больше членов. Более того, именно мы захватили улицы. Почему же мы их так глупо отдали?

С другой стороны, мы утверждаем, что все революции тотальны, вопреки всем, кто говорит иначе. Различные стороны революции идут вперед, но лишь при условии, что класс, который вводит новый порядок, несёт наибольшую ответственность. А когда вещи делаются наполовину, происходит то, о чём мы сейчас ведем речь – Июльская катастрофа.

В июле был создан Комитет Антифашистских Милиций. Он не был классовым органом. В нем имелись представители буржуа и контрреволюционных фракций. Казалось, будто этот Комитет был создан в противовес Женералитату. Но это было неправдой. Были организованы контрольные патрули; в них вошли люди с баррикад, люди с улиц. Фабрики, цеха и частные предприятия были захвачены у владельцев. В каждой местности, в каждой округе были образованы комитеты защиты и комитеты снабжения. Прошло шестнадцать месяцев. Что осталось? От духа Июля – одни воспоминания. От органов Июля – вчерашний день. Но политическая машина и мелкая буржуазия остались не тронутыми. Фракции меньшинства, сидящие исключительно на спинах рабочих, удержались на площади Республики каталонской столицы.

3 мая

Именно из казарм Каталонии контрреволюция нанесла самые сильные удары по основам Июльской революции. Экономическая структура Каталонии позволяла больши́м массам рабочих учиться классовой сознательности в атмосфере фабрики и цеха, концентрироваться. Эта характерная черта производственных центров крайне благоприятствовала достижению целей революции. В Июле рабочие Каталонии заложили основу новой социальной жизни. Началось возрождение бунтарского пролетариата, критически подготовленного долгими годами борьбы в рядах Конфедерации. Социальная революция могла стать фактом в Каталонии. Более того, революционный пролетариат мог стать противовесом бюрократическому, реформистскому Мадриду и влиянию католического баскского края.

Но события приняли иной оборот. В Каталонии не было сделано революции. Поняв, что пролетариат снова осёдлан демагогами, мелкая буржуазия, которая в июле попряталась по своим чуланам, поспешила присоединиться к схватке. Шокирует, что, говоря о среднем классе, мы вынуждены вести речь о марксистах, ряды которых были наводнены лавочниками и 120 тысячами избирателями правой партии «Каталонская лига». Социализм в Каталонии был жалким созданием. Его ряды разбухли за счет членов, враждебных революции. Он встал во главе контрреволюции. Он породил UGT – профсоюз, контролировавшийся сталинистами, который стал придатком Союзов и объединений мелких торговцев и промышленников. Марксистские лидеры пели хвалу контрреволюции. Слепив лозунги единого фронта, они сначала уничтожили «троцкистских» POUM, а затем пытались повторить ту же операцию с CNT. Маневры мелкой буржуазии в альянсе с социалистами и коммунистами достигли кульминации в Майских событиях.

Есть две противоречащие друг другу версии того, что случилось в Мае. Истина состоит в том, что контрреволюция хотела, чтобы рабочий класс вышел на улицы дезорганизовано, так чтобы его можно было раздавить. Она частично добилась своих целей, благодаря глупости некоторых лидеров, которые отдали приказ о прекращении огня и окрестили «Друзей Дуррути» агентами-прокураторами именно тогда, когда улицы были завоёваны и враг уничтожен. Контрреволюция явно стремилась захватить в свои руки контроль над ведомством общественного порядка в правительстве Испании, находящемся Валенсии. Им это удалось, благодаря Ларго Кабальеро. Стоит упомянуть, что CNT в то время имела в кабинете четыре министерских поста. Мы уже упоминали, что мелкая буржуазия разработала схему иностранной интервенции под предлогом беспорядков. Было точно известно, что иностранный флот движется к Барселоне. Говорилось также о моторизованных дивизиях французской армии, готовых в любой момент прейти границу. К этому можно прибавить заговорщическую деятельность политиков, встречавшихся во французской столице. Атмосфера стала очень напряжённой. Уничтожали членские билеты CNT, разоружали активистов CNT

и FAI. Происходили постоянные стычки, которые по чистой случайности не имели более серьёзных последствий. В отношении рабочих предпринимались самые различные провокации. От бюрократов исходили открытые угрозы, голые и бесстыдные. Гибель социалистического активиста Рольдана была использована как предлог для чудовищной демонстрации силы, в которой приняли участие контрреволюционеры всех мастей. Во всём, что было не так, обвиняли CNT. Анархистов винили во всех несчастьях. Комитеты по снабжению стояли на пороге нехватки продовольствия. 3 мая произошёл взрыв. С ведома Айгуаде, министра внутренних дел автономного правительства Каталонии, комиссар по общественному порядку Родригес Салас во главе отряда сил безопасности ворвался на телефонную станцию. Они пытались разоружить товарищей из CNT, хотя станция была под совместным контролем CNT и UGT. Этот шаг Родригеса Саласа, члена PSUC, сталинистской компартии Каталонии, стал кличем к оружию. В считанные часы на всех улицах Барселоны выросли баррикады. Раздавался треск винтовочных выстрелов и пулемётных очередей, воздух наполнился орудийными залпами и взрывами бомб. Через несколько часов преимущество перешло на сторону пролетариев из CNT, которые, как и в Июле, отстаивали свои права с оружием в руках. Мы взяли улицы. Они были нашими. Не было такой силы на земле, которая смогла бы вырвать их у нас. Рабочие кварталы быстро перешли к нам. Затем мы стали мало-помалу вгрызаться в территорию противника, в квартал резиденций – в центр города, который вскоре пал бы, если бы не отступничество комитетов CNT.

Видя нерешительность, проявленную в борьбе, и отсутствие лидерства и организации, проявившееся на улицах, наша группа выпустила листовку с приложенным к ней манифестом. Нас заклеймили как агентов-провокаторов, потому что мы требовали расстрела провокаторов, роспуска вооружённых сил, подавления политических партий, вооруживших провокаторов, а также создания революционной хунты (совета), социализации экономики и передачи экономической власти в руки рабочих союзов. Анализ, который мы сделали в тот напряжённый момент в наших листовках и в манифесте, заключал, что баррикады не следует оставлять ни в коем случае, так как это было бы первым в истории случаем, когда армия-победительница сдаёт свою территорию врагу. Нужны были гарантии, что нас не станут преследовать. Но вожди CNT заверяли, что представители организации в Женералитате будут следить за ситуацией в интересах рабочего класса. Тем не менее, развернулась вторая часть акта, произшедшего несколькими часами раньше в Валенсии. Баррикады были оставлены без каких-либо причин. Пока каталонская сцена успокаивалась, выявились эксцессы, совершенные марксистами и силами порядка. Мы оказались правы. Товарища Бернери, итальянского анархиста, критика участия CNT в правительстве, вытащили из дома и пристрелили посреди улицы; в Сарданьоле было обнаружено тридцать изувеченных тел товарищей; товарищ Мартинес из Либертарной Молодёжи погиб неизвестным образом в застенках ЧК, и большое количество других товарищей из CNT и FAI было зверски убито.

Следует напомнить, что профессор Бернери был образованным итальянским товарищем, представителем той антифашистской Италии, которая заполнила острова ссылки, кладбища и концлагеря. Как и другие антифашистские товарищи, он не мог оставаться в Италии Муссолини.

За убийствами последовала волна интенсивных репрессий. Товарищей арестовывали в связи с июльскими и майскими событиями; были совершены нападения на рабочие союзы, коллективы и офисы «Друзей Дуррути», Либертарной Молодёжи и ПОУМ. Мы не можем умолчать еще об одном событии: исчезновении и гибели Андреаса Нина, лидера ПОУМ. Прошло уже более полутора лет, а правительство всё ещё должно прояснить так называемую тайну, окутывающую убийство Нина. Узнаем ли мы когда-нибудь, кто его убил?

После Мая контрреволюция почувствовала себя сильной, как никогда. Иностранные державы оказывали поддержку этой бюрократической реакции. В течение нескольких дней было сформировано правительство Негрина, имевшее две цели: уничтожение революции и подготовка к объятиям Вергари. В Каталонии было тем временем создано правительство, состоявшее из секретарей политических партий и профсоюзных организаций, пока Луис Компанис не вытеснил представителей CNT из Женералитата.

Майские события резко отличались от того, что произошло в Июле. В мае пролетариат сражался с очевидным классовым духом. Не могло быть сомнений, что рабочий класс стремится к радикальной революции. Как бы ни старалась реакционная пресса замутить природу Мая, он останется в истории, как внезапный и своевременный удар, нанесённый пролетариатом. Чувствуя, что революция находится под угрозой, он вышел на улицы, чтобы спасти и оживить ее. В мае мы могли спасти революцию. Многие, возможно, сожалеют о том, что в тот исторический момент услышали призыв к прекращению огня. И им больно видеть тюрьмы, забитые рабочими.

Группа «Друзей Дуррути» выполнила свой исторический долг. Мы не дрогнули перед обстоятельствами. Мы могли предвидеть исход. Невозможно забыть Май. Это был самый громкий стук рабочего класса в ворота буржуазии. Когда говорят о Майских событиях, историки должны отдать дань уважения каталонскому пролетариату, установившему веху для новой эры, которая должна будет стать стопроцентно пролетарской!

Независимость Испании

Интервенция иностранных держав на испанской земле снова поставила нас перед дилеммой, которая всё время стояла перед нашей страной. Начиная с XVI века, политической жизнью Испании управляли иностранные державы. Две династии – Австрийская и Бурбонов, не говоря о кратком правлении Амадея Савойского в 1870–1873 – держали испанский народ в рабстве вплоть до 14 апреля 1931 г.

Независимость Испании всегда была фикцией. Британский МИД и Кэ д'Орсэ, МИД Франции, играли самую важную роль в принимаемых нами решениях. Помните прощение Санхурхо после его мятежа в августе 1932 г., данное исключительно из-за давления со стороны французского правительства?

Испанская экономика, преимущественно сельскохозяйственная, была привязана к крупным индустриальным странам. Для того, чтобы производить продукцию на экспорт, нам приходилось покупать машины и оборудование, которое мы могли бы производить и дома. В обмен на покупку Лондоном наших апельсинов нас заставляли покупать английский уголь, что неминуемо вызывало сокращение рабочих мест на наших угольных шахтах из-за кризиса во внутреннем производстве. Мы экспортируем железо, медь, другие полезные ископаемые, чтобы покупать готовое оборудование, произведённое той самой страной, которая купила у нас сырьё. Наша земля крайне богата, но ею владеет иностранный капитал. Наша страна находится в тисках международных финансистов, пожирающих народные богатства. Испанские рабочие всегда гнули спину, чтобы иностранные акционеры и финансисты могли получать дивиденды и огромные прибыли.

С самой зари нашей истории, в испанцах всегда ощущался дух независимости. Происходили многочисленные вторжения, но им не удалось затушить священное пламя независимости. Переходя к нынешней интервенции, мы ясно видим, что она по своей природе сильно отличается от предыдущих вторжений иберийцев, финикийцев, карфагенян, римлян, арабов или французов, которые не имели социальной составляющей. Во время наполеоновского вторжения либералы и абсолютисты сражались плечом к плечу. Отец Мерино боролся на стороне Эль Эмпесинадо, хотя бы даже по причине сложившихся обстоятельств. Во время экспедиции герцога Ангулемского по поручению Священного союза из Вены¹, мнения на полуострове заметно разделились. Отец Мерино объединился с интервентами; Эль Эмпесинадо, со своей стороны, сопротивлялся вторжению иностранных сил.

То, что происходит сегодня, служит повторением случившегося во времена Фердинанда VII. В Вене снова собралась конференция фашистских диктаторов, чтобы организовать вторжение в Испанию. А вооружённые рабочие приняли сторону Эль Эмпесинадо.

¹ речь идет о вторжении французской армии в 1823 году с целью поддержки короля Фердинанда VII и подавления революционного движения в Испании.

Германии и Италии необходимо сырьё. Им нужно железо, медь, свинец и ртуть. Но эти природные ресурсы Испании служат резервуаром для Франции и Англии. Хотя Испании грозит порабощение, Англия не возражает. Напротив, она самым подлым образом пытается вести переговоры с Франко. С самого начала войны она помогает блокировать удерживаемые нами порты. Фашистские корабли выгружают военные материалы в контролируемых фашистами портах – и загружают руду, нефть... Международному фашизму нужно питание для его Машины. Гитлеровский лозунг – больше пушек, меньше масла – и автаркия Муссолини ведут к грабежу сельскохозяйственных регионов под железной пятой мятежных генералов.

В экономических вопросах мы всегда зависели от других стран. Коммерческие договоры и платежный баланс никогда не были в нашу пользу. Эта тенденция была кошмаром нашей экономики.

Проблема Испании носят колониальный характер. Капитализм, уничтожив феодализм на своей собственной территории, оказался в непоследовательной позиции: он должен поддерживать феодальные режимы в эксплуатируемых им странах. Это касается Испании, так же как и Китая. Только рабочий класс может добиться независимости Испании. Отечественный капитализм не сделает этого, пока международный капитал перетекает через его границы. Таково нынешнее тяжёлое положение Испании. Рабочие должны выкорчевывать иностранных капиталистов. Патриотизм не имеет к этому отношения; это вопрос классовых интересов. Пока продолжаются международные интриги, можно смело предположить, что Англии удастся решить испанский вопрос на основании унизительного статус-кво. Возможно, она пойдёт на экономические уступки Германии и Италии? Будут ли переданы частичные права на наши недра иностранным державам? Будет ли разделена Испания?

Англия заинтересована в наших природных богатствах. Давление фашизма и знаменитого Антикоминтерновского пакта настолько огромно по всему миру, что коварный Альбион может уступить ему, если ничто не будет угрожать свободному проходу его кораблей по «Маре Нострум», Средиземному морю. Трудно предугадать, что может произойти. Мы не должны доверять Лиге Наций, комитетам и подкомитетам, конференциям, чьей единственной целью, как, например, у конференции в Нионе, является трата времени. Но стоит отметить, что английские консерваторы призвали лорда Галифакса, автора резни в Индии.

У нас может возникнуть лишь один вопрос: будет ли готова Франция обеспечить свою безопасность не только на море, но и на суше? Будет ли Франция придерживаться политики невмешательства Леона Блюма? Готова ли она отказаться от своей колониальной армии?

Не будем верить никому. Спасение находится в наших собственных руках. Иностранные державы склоняются к меньшему злу, к сговору. А рабочий класс найдёт способ спасти Испанию от международного сговора наподобие Танжера, Данцига или Саара. Победа или смерть, товарищи. Таков выбор на данный момент.

Коллаборационизм и классовая борьба

В Испании, как и во всех других странах, в рабочем движении проявились две тенденции: одна – коллаборационистская, и другая, не принимающая ничего от врага. В нашей стране социализм с его профсоюзным ответвлением UGT (социалистической Всеобщей конфедерации труда) сыграли классическую роль всех реформистов. Они послужили убежищем для рабочих ренегатов и даже шпиков в рабочих организациях, чьей единственной целью было загнать пролетариат под ярмо буржуазии.

Заявления, сделанные Индалесио Прието в «красный» период по случаю забастовки железнодорожников, заключают в себе самое существо коллаборационизма. Они хорошо известны: «В первую очередь, я министр, потом социалист», – заявил тогда дон Инда. Испанская революция пострадала от этого пагубного влияния реформистов. Не было никакого желания оценить социальное, классовое значение Июльских событий. Классовая борьба, которую пропагандировала CNT, осталась на втором месте по сравнению с рядом вопросов, крайне вредных во время революций. Перед лицом этих тенденций мы вынуждены не только порицать это уродование революции, но и оплакивать потерю территории из-за неправильного следования революционной линии на классовой основе и втаптывания в землю революционного синдикализма.

Рабочие союзы являются органами, выраждающими подлинные чаяния рабочего класса в его исконной борьбе с капитализмом. Если мы ставим рабочие союзы на второе место, интересы пролетариата автоматически остаются в стороне. Коллаборационизм следует искоренить повсюду. Не должно быть никакого сотрудничества с капитализмом: ни вне буржуазного государства, ни внутри самого правительства. Наше место, как производителей, – в рабочих союзах, усиливая единственные органы, способные пережить революцию, возглавляемую рабочими. Классовая борьба не препятствует рабочим сражаться в нынешний момент на поле битвы и работать в военной индустрии. Но настоятельно необходимо выдвигать новые инициативы, связанные с классовой сознательностью, отдавая должное предпочтение рабочим союзам. Никакой экономический орган, кроме рабочих союзов, не должен ограничивать их полномочия. Перед лицом рабочих союзов нельзя сохранять государство – тем более нельзя поддерживать его нашими собственными силами. Борьба против капитализма продолжается. На нашей территории ещё сохраняется буржуазия, связанная с международной буржуазией. Проблема остаётся той же, что и была многие годы.

Пусть же рабочие союзы остаются верными самим себе. Давайте держаться линии, намеченной CNT в её противостоянии с отечественной буржуазией, как это было нормой до 19 июля. Коллаборационисты являются союзниками буржуазии. Лица, защищающие подобные отношения, не понимают классовой борьбы и не имеют ни малейшего представления о роли рабочих союзов. Мы никогда не должны со-

глашаться с консолидацией позиций нашего врага. Враг должен быть разгромлен. Если мы сталкиваемся с недоделками, то не должны позволить этим социальным отклонениям стать открытой помощью капиталу. Между эксплуататорами и эксплуатируемыми не может быть абсолютно ничего общего. Кто будет преобладать, решит только борьба. Буржуазия или рабочие. Безусловно, не те и другие одновременно. Рабочий класс держит будущее в своих руках. Нам, отверженным, нечего терять, наоборот, мы можем добиться нашего освобождения, которое станет судьбой всех трудящихся.

Сбросим оковы. Скрепим наши союзы. Сохраним дух классовой борьбы живым.

Наша позиция

Группа «Друзья Дуррути» выдвинула свои идеи о том, как победить в революции и войне против Франко.

Пришло время конкретизировать нашу позицию. Мы сделаем это по отношению к каждой из проблем, поставленных нынешней ситуацией. Что касается проблемы войны, мы поддерживаем идею абсолютного контроля рабочего класса над армией. Офицеры, имеющие корни в капиталистическом режиме, не заслуживают с нашей стороны ни малейшего доверия. Многочисленные случаи дезертирства и большинство катастроф, с которыми мы столкнулись, были вызваны явным предательством офицеров. Что касается армии, нам нужна революционная армия, возглавляемая исключительно рабочими, и, если мы сохраним офицеров, они должны находиться под строжайшим наблюдением. Мы настаиваем на том, что войну должны вести сами рабочие. У нас для этого очень много оснований. Поражения в Толедо, Талавере, потеря Севера и Малаги указывают на некомпетентность и отсутствие честности в правительственные кругах по следующим причинам. Север Испании можно было спасти, если бы были приобретены военные материалы, необходимые для сопротивления врагу. Средства на это были. У Банка Испании было достаточно золота, чтобы наводнить испанскую землю оружием. Почему этого не было сделано? Время на это было. Мы должны помнить, что контроль за невмешательством не ощущался до тех пор, пока испанской войне не исполнилось уже несколько месяцев. Руководство ведением войны было катастрофическим. Успехи Ларго Кабальеро оказались плачевными. То, что Арагонский фронт не получил оружия, в котором он так нуждается, является его виной. Из-за его нежелания вооружить арагонский участок Арагону не удалось вырваться из фашистских тисков. В то же время, это не могло снять напряжение с фронтов вокруг Мадрида и на Севере. Именно Ларго Кабальеро заявил, что высыпать оружие на Арагонский фронт – это всё равно, что вооружать СНТ.

Мы выступаем против сотрудничества с буржуазными группами. Мы не верим, что можно отказаться от классового подхода.

Революционные рабочие не должны поддерживать официальных лиц или занимать посты в министерствах. Пока длится война, сотрудничество допускается – на поле боя, в окопах, на брустверах и в производительном труде в тылу.

Наше место – в рабочих союзах, на рабочих местах, в поддержании бунтарского духа, который даст плоды при первой же возможности.

Мы не должны участвовать в операциях, подготовленных буржуазными политиками, действующими в согласии с иностранными канцеляриями. Это было бы равнозначно усилению наших врагов и затягиванию петли капитализма. Никаких портфелей. Никаких министерств. Назад в рабочие союзы и к простоте орудий производства.

Мы выступаем за единство пролетариата, но осознаем, что это должно быть единство между рабочими, а не с бюрократами и бездельниками.

В настоящий момент согласие между революционным крылом UGT и CNT является реально перспективным. Но мы не верим в возможность взаимопонимания с каталонской UGT или с последователями Прието.

Социализация экономики крайне важна для победы в войне и прогресса революции. Настоящий дрейф не может продолжаться. Нельзя верить в преимущество различных центров производства, действующих нескоординированно.

Обо всём этом должны позаботиться рабочие.

Религия не подлежит дальнейшему обсуждению. Народ уже вынес свой окончательный вердикт по этому вопросу. Тем не менее, появилась тенденция к новому открытию церквей. Применение закона о свободе совести и направление церковных служб приводят нас к выводу, что те, кто сидят в правительстве, позабыли о днях великих костров.

В распределении товаров должно соблюдаться строгое рационирование. Нельзя допустить, чтобы рабочие голодали в то время, как банкиры питаются в ресторанах, контролируемых рабочим классом.

Распределение должно быть социализировано и осуществляться на основе рационирования.

Бюрократия должна уйти. Тысячи бюрократов, заполонивших Барселону, являются одной из худших эпидемий чумы, падших на наши головы. И под бюрократом мы подразумеваем любого кафешантанного бездельника.

Абсолютное уничтожение бюрократии.

Баснословные барыши должны уйти в прошлое немедленно. Возмутительно, когда дружинники зарабатывают десять песет в день, а бюрократы несут домой такую огромную зарплату. Асанья и Компанис до сих пор получают ту же зарплату, что и раньше.

Мы добиваемся введения посемейной оплаты. И прекращения раз и навсегда этого вопиющего неравенства.

Народ должен сам вершить правосудие. Мы не можем согласиться с фальшивой практикой в этом вопросе. Мы перешли от прежних классовых трибуналов к судам, состоящим из карьеристов. И мы возвращаемся к старому положению вещей. Теперь избавляются и от судов присяжных.

Пролетарское правосудие принадлежит только рабочим.

Должен быть достигнут прогресс в социализации крестьянского хозяйства Испании. Коллективный саботаж нанес огромный урон сельскому хозяйству и породил спекуляцию. Контакт между городом и деревней сблизит крестьян с пролетарским классом. И психология сельского рабочего, привыкшего возделывать свой собственный клочок земли, изменится.

Проблемы культуры, как и любого другого вида деятельность в стране, которая относится к разряду социальной, культурной или экономической, являются безраздельной сферой рабочих. Они должны определить лицо этой новой эры.

Революционный порядок должен поддерживаться самими рабочими. Мы наставляем на расформировании военного корпуса в униформах, который не является гарантией революции. Рабочие союзы должны предоставить людей, чьей задачей будет охрана нового порядка, который мы хотим установить.

Что касается иностранных дел, мы не принимаем перемирия; и, пропагандируя нашу революцию, мы считаем, что эта работа должна вестись за границей на производстве, а не в канцеляриях, тем более не в политических кликах.

Мы должны говорить с рабочими за рубежом на языке революции. До сих пор использовался словарь демократии. До рабочих организаций, до каждого должно быть донесено, что им следует делать: саботировать фашистское производство, отказываться грузить сырьё или военные материалы для убийц испанского народа. Они должны устраивать демонстрации на улицах, требовать от своих правительств справедливости к нашему делу, которое является делом мирового пролетариата.

Наша программа

Революции не могут победить без путеводных ориентиров, без непосредственных целей. Вот чего не хватало Июльской революции. Обладая силой, CNT не знала, как строить спонтанную деятельность на улице. Сами лидеры были напуганы событиями, которые для них стали совершенно неожиданными.

Они понятия не имели о том, какой курс действий избрать. Теории не было. Год за годом мы тратили, размышляя над абстракциями. Что делать? – спрашивали себя лидеры. И они позволили революции потерпеть поражение.

Такие возвышенные моменты не оставляют времени для колебаний. Наоборот, каждый должен знать, куда идти. Именно этот вакуум мы стремимся заполнить, сознавая, что произшедшее в Июле и в Мае никогда не должно повториться.

В нашу программу мы вносим небольшую вариацию в анархизме: создание Революционной Хунты.

Как мы считаем, революции нужны органы для её защиты и подавления, в организованном ключе, враждебных секторов. Как показали текущие события, такие сектора не соглашаются на забвение, пока не будут сокрушены.

Возможно, некоторые анархистские товарищи испытывают определённые идеологические опасения, но урока, проистекающего из опыта, достаточно, чтобы заставить нас прекратить красться кошачьим шагом.

Если мы не хотим, чтобы повторилось то же, что происходит с нынешней революцией, мы должны с максимальной энергией противодействовать тем, кто не отождествляет себя с рабочим классом.

После этого краткого вступления переходим к изложению пунктов нашей программы:

I. Создание Революционной Хунты или Национального совета обороны.

Этот орган будет организован следующим образом: члены Революционной Хунты будут избираться путём демократического голосования в профсоюзных организациях. Следует учитывать и отсутствующих товарищих, находящихся на фронте: у этих товарищих должно быть право на представительство. Хунта не будет заниматься экономическими делами, которые являются исключительной прерогативой рабочих союзов.

У Хунты будут следующие революционные функции:

- а) Управление ведением войны,
- б) Обеспечение революционного порядка,
- в) Иностранные дела,
- г) Революционная пропаганда.

Лица, занимающие посты, регулярно сменяются, чтобы предотвратить чьё-либо закрепление на них. Профсоюзные собрания будут осуществлять контроль за деятельностью Хунты.

II. Вся экономическая власть – рабочим союзам.

После Июля рабочие союзы продемонстрировали огромную способность к сози-дательной работе. Если бы мы не оставили их на вторых ролях, они достигли бы высоких результатов. Именно из рабочих союзов будет состоять структура пролетар-ской экономики.

Для улучшения координации хозяйственной деятельности может быть сформиро-ван также Экономический совет, с учетом отраслевых рабочих союзов и отраслевых федераций.

III. Свободная муниципальная община.

До утверждения иностранных династий общинные права защищались в Испании с большим упорством. Такая децентрализация предотвращала возникновение новой государственной системы. В новой Испании, к которой идет пролетариат, будут восстановлены свободы, принятые в Вильяларе. И так называемые каталонская и баскская проблемы будут разрешены.

Муниципальная община примет на себя те общественные функции, которые не входят в полномочия рабочих союзов. Так как общество, которое мы собираемся построить, будет состоять исключительно из производителей, сами рабочие союзы будут служить опорой муниципальных общин. А поскольку не будет неравенства в интересах, не будет и конфликтов.

Муниципальные общины будут организовываться в окружные, региональные фе-дерации и общую федерацию всего полуострова. Муниципальные общины и рабочие союзы будут поддерживать связь на местном, региональном и общенациональном уровнях.

К новой революции

Июльской революции больше нет. Ни одна из революций, рассматриваемых обычно в качестве архетипов социальной революции, не переживала такого головокружащего падения.

Нельзя строить теории о стадиях развития событий, потому что революция не является свершившимся фактом. Неутомимый гений пролетариата Испании обязательно должен снова прийти в действие. Мы должны выйти на улицы и начать всё сначала.

Революции очень часто происходят в нашей стране. Иногда они начинаются без необходимых условий, не имея шансов на успех. Необходимо уметь определить точный момент, говоря психологически о восстании. Результат зависит от правильного выбора.

Делать прогнозы нелегко. Кто сможет предсказать следующий Июль или даже следующий Май? Тем не менее, мы можем предположить, что в Испании такие условия будут представляться снова и снова.

Если война будет продолжаться в том же неблагоприятном ключе, всех политиков, которые стремятся к перемирию и братским объятиям, надо будет выбросить на свалку. Хорошим подтверждением этого является саботирование ведения войны, милитаризация промышленности и вся гамма МТО, равно как и вздутые цены на продукты – инфляция, провоцируемая властью имущими в целях создания благоприятной атмосферы для осуществления их планов по удушению революции.

Может случиться, что обсуждаемое соглашение состоится: тогда придёт время сопротивляться ему с оружием в руках. А если мы выиграем войну, проблемы, стоящие в такой острой форме сегодня, возникнут снова по возвращении наших товарищей с фронтов. Как их надо будет решать?

Как превратить военную индустрию в мирную? Найдётся ли работа для солдат? За всеми ли жертвами будет уход? Смирится ли офицерский класс с утратой своих привилегий? Можно ли будет восстановить рынки сбыта?

Каждой из трех упомянутых нами возможностей соответствует определённая позиция. Мы не можем сказать, какую из них следует занять. Проблема, однако, заключается в подготовке нового восстания, с тем, чтобы пролетариат завоевал решающий контроль над страной.

Нельзя сказать, что наша реакция чрезмерна. В настоящем моменте ничего революционного не осталось. Контрреволюция достаточно обнаглела для того, чтобы идти на любые провокации. Тюрьмы набиты рабочими. Пролетариату открыто отказывают в его правах. С нами, революционными рабочими, обращаются как с мелкими чиновниками. Язык бюрократов, в униформе и без униформы, невыносим. Не говоря уже об атаках на рабочие союзы.

Новая революция – это единственный возможный курс действий. Начнём же готовить её. И на высоте нового удара мы присоединимся к товарищам, сражающимся на фронтах, которые сидят в тюрьмах и, даже сейчас, лелеют надежду на революцию, которая принесёт справедливость для рабочего класса, – всем тем, кто на улицах.

За успех новой революции, которая принесёт полное удовлетворение рабочим города и села. За достижение анархистского общества, которое исполнит чаяния человека.

Вперёд товарищи!

О ГРУППЕ «ДРУЗЕЙ ДУРРУТИ»

Предисловие к английскому изданию книги А.Гильямона

«Группа Друзей Дуррути: 1937–1939»

Монография Агустина Гильямона о группе «Друзей Дуррути» предлагает англоязычным читателям наиболее связное и всестороннее исследование и рассказ об истории и идеях этой группы. Немногие группы так пострадали от подобного широкого недопонимания, преувеличений или пристрастных ложных истолкований. Гильямон вывел на свет вещи, ставшие очевидными, и с успехом развеял наиболее устойчивые из ложных истолкований.

Либералы, сталинисты, марксисты и либертарианцы соревнуются друг с другом в осуждении иискаженном истолковании группы и ее идей. Итальянские сталинисты считали ассоциацию с группой достаточным основанием для расправы с политическими оппонентами. 29 мая 1937 г. газета Итальянской коммунистической партии «Иль Гридо дель пополо» упомянула о Камилло Бернери как об «одном из лидеров группы «Друзей Дуррути», который (...) спровоцировала кровавое восстание против правительства Народного фронта в Каталонии и в ходе этого бунта понес справедливое наказание со стороны Демократической революции, чьего законного права на самозащиту не отрицает ни один антифашист». Но нет вообще никаких доказательств связи между Бернери и «Друзьями Дуррути». По поручению группы «Эррико Малатеста», итальянский анархист Доменико Лудовичи резко возразил, что «несчастный товарищ Бернери не был членом группы «Друзей Дуррути», но в этом не было бы ничего плохого и это никоим образом не оправдывало бы трусливого убийства, жертвой которого он стал. Несомненно, демократический «журналист» из «Иль Гридо дель пополо» является единоверцем тех, кто совершил этот варварский акт, отсюда стремление представить «Друзей Дуррути» как провокаторов кровопролития, хотя любой, весь мир, за исключением «Иль Гридо дель пополо», знает, что ими были люди из «демократического» извращения»¹. Удивительно, но итальянские анархисты из Колонны Аскасо, чья принципиальная скрупулезная склонность к прагматизму нередко сталкивала их испанскими коллегами, как кажется, не видели оснований для критики «Друзей Дуррути». Даже с дистанции в 10 лет Эрнесто Бономини говорил о группе одобрительно².

Что касается заявлений, будто «Друзья Дуррути» вызвали бои в Барселоне в Мае, то они были опровергнуты, когда были высказаны в «Лас Нотисиас»: «Они, вероятно, считают нас идиотами, поскольку если бы названные ими группы («Друзья Дуррути»

¹ «Идеас», Нижний Льобрегат, №24, 17 июня 1937 г., с.4.

² Э.Бономини написал рассказ очевидца о Майских событиях в Барселоне для «Волонта», №11, 1 мая 1947 г.

и «Либертарная молодежь») были зacinщиками бунта, мы никогда не отдали бы улицы»³.

Хотя «Друзья Дуррути», конечно же, не были зacinщиками событий мая 1937 г., столь же бесспорно, что они были одними из немногих, кто готов был на них отреагировать. Они загодя готовились к нападению со стороны возрожденного Каталонского государства и буржуазии и стремились к возвращению к беспрепятственному радикальному противостоянию с перспективой такой же победы, какая была одержана над фашистами в июле 1936 г.⁴. Подобные ощущения были рассеяны во многих секторах либертарного движения Каталонии. Альянс вышестоящих комитетов организаций с политиками и их стремление к проведению единой, дисциплинированной политики, призванной помочь им в их отношениях с этими политиками, вело к ряду нежелательных перемен в повседневной практике этих организаций. В январе 1936 г. в газете «Идеас» было опубликовано напоминание о принципах синдикалистского федерализма с особо выделенным предостережением: «Так называемые вышестоящие комитеты должны быть связаны решениями синдикальной организации. Рабочие союзы распоряжаются, а комитеты следят за тем, чтобы распоряжение было осуществлено. Именно это и есть федерализм, что-либо иное является диктатурой и не может терпеться ни минутой более»⁵. В том же месяце «Рута», газета «Либертарной молодежи», буквально напомнила своим читателям: «Все, чего мы можем ожидать от самодостаточных меньшинств, стремящихся утвердиться в качестве никогда не ошибающихся вождей, – это диктатура и угнетение»⁶.

Тех, кто был обеспокоен стагнацией и отступлением революции, как кажется, тревожили три основных момента: 1) попытка отодвинуть революцию на второе место по сравнению с военными усилиями; 2) эрозия ответственности вышестоящих комитетов по отношению к организации; 3) подозрение, что намечается некое компромиссное решение как результат сговора внешних сил⁷. Многие полагали, что их собственные лидеры совращены и коррумпированы союзом с политиками.

«Друзья Дуррути» разделяли и выражали все эти опасения. Единственные из всех диссидентов в либертарном лагере, они пытались выработать связную альтернативную позицию. Однако принуждение к дисциплине и сильная сентиментальная

³ «Эль Амиго дель Пуэбло», №4, 22 июня 1937 г., с.3, статья «Нападение на Телефонную станцию».

⁴ Испанские анархисты всегда ощущали себя комфортнее в ситуации радикальных контрастов, нежели столкнувшись с неясными контурами, созданными, к примеру, антифашистским блоком или, в более ранние времена, – республиканским объединением. «Мы, испанские анархо-синдикалисты, верили в диалектический принцип, доведенный до логического конца. Мы превращали либеральное или реформистское правительство в мишень нашего гнева, без всякого тайного чувства соперничества. Мы предпочитали жребий безработных пособию по безработице. Столкнувшись с выбором между порабощением со стороны хозяев и кооперativизмом, мы предпочитали первый. И яростно отвергали последний» (J. Peirats. Examen criticoconstructivo del Movimiento Libertario Espanol. Mexico, 1967. P.42).

⁵ «Идеас», №4, 21 января 1937 г., с.4.

⁶ «Рута» (Барселона), №13, 7 января 1937 г., с.6, статья «Централизм».

⁷ Это со всей четкостью выражено на первой странице второго номера «Эль Амиго дель Пуэбло» за 26 мая 1937 г.: «Мы против любого перемирия. Кровь, пролитая испанскими трудящимися, пропитывает бастион, о который разобьются интриги, организуемые доморощенными политиканами и капиталистическими дипломатами по всему миру. Победа или смерть. Иного решения нет». Такое же недоверие к предполагаемым интригам с целью найти дипломатическое решение войны и изъять ход происходящего из рук испанских трудящихся выражалось в «Идеас», «Рута» и других газетах.

связь с организацией затрудняли их усилия и сокращали ряды их слушателей. Смесь дисциплины и чувства явно ощущается в письме двоих членов «Друзей Дуррути», опубликованном на страницах «Солидаридад обрера», органа CNT Каталонии, 29 мая 1937 г. После угрозы региональных комитетов CNT и FAI и местной федерации CNT в Барселоне исключить всех членов «Друзей Дуррути», которые откажутся публично выйти из группы, Хоакин Ауби и Роса Муньос ушли из нее, заявив: «Я продолжаю рассматривать товарищей, принадлежащих к «Друзьям Дуррути», как товарищей; но я повторяю еще раз то, что уже говорил на пленумах в Барселоне: «CNT была моей колыбелью и останется моей могилой»».

Это заявление может в действительности служить эпитафией для «Друзей Дуррути» как таковых. Решение комитетов об начале процедуры исключения так и не было осуществлено, и сам этот факт, как кажется, подтверждает степень поддержки «Друзей Дуррути» рядовыми членами CNT. Национальный пленум региональных федераций CNT одобрил намерение Каталонии «исключить из организации ведущие светила группы «Друзей Дуррути» и предпринять шаги, необходимые для того, чтобы вследствие этого не произошло раскола»⁸. «Друзьям Дуррути» пришлось вновь напоминать «начальникам» о нормах организации. Никто не вступал в CNT, в Конфедерацию. Все члены CNT принадлежали к местным рабочим союзам и федерациям, и именно им принадлежали суверенные права. «Мы можем быть исключены из конфедеральной организации только общими собраниями рабочих союзов. Местные и окружные пленумы не уполномочены исключать того или иного товарища. Мы приглашаем комитеты поставить вопрос о «Друзьях Дуррути» на общих собраниях, именно в них находится суверенитет организации»⁹.

Такую же озабоченность процедурными вопросами организации можно обнаружить в реакции «Друзей Дуррути» на новость о том, что главный «трентист» и лидер Синдикалистской партии Анхель Пестанья вновь принят в CNT. «Мы не можем понять, как Пестанья был принят без требования свернуть свою Синдикалистскую партию – предварительное условие, выдвигавшееся в других случаях, когда шел разговор о его возможном вступлении»¹⁰.

Озабоченные тем, чтобы сохранить ком CNT-FAI в составе республиканской коалиции, руководство конгломерата все время боялось проникновения чуждых элементов и оскорблений в адрес своих лидеров. А в «Друзьях Дуррути» они готовы были усматривать обе эти опасности. Делались темные намеки на «марксизм», ссылаясь на известную общую почву в заявлениях крошечной группы большевиков-ленинцев и в декларациях «Друзей Дуррути», а также на несектантскую оценку того, как вела себя ПОУМ в ходе уличных боев в Мае. В этом случае мы опять-таки сталкиваемся

⁸ Жозе Пейратс цитирует сделанное Национальным комитетом CNT резюме решений, принятых на национальном пленуме региональных организаций 23 мая 1937 г. См.: J. Peirats. La CNT en la Revolucion Espanola. Vol. II. Madrid, 1988. P.220.

⁹ «Эль Амиго дель Пуэбло», №2, 26 мая 1937 г., с.3. «Друзья Дуррути» прибавили буквально следующее: «Всякий раз, когда, противореча всякому пониманию в Конфедерации, кто-либо действует через голову собраний и активистов и ставит себя в положение генерала, совершая ошибку за ошибкой, у него, если у него остался хоть клочок достоинства, нет другого выбора, кроме как уйти. Этот счет относится к Гарсиа Оливеру!».

¹⁰ «Эль Амиго дель Пуэбло», №8, 21 сентября 1937 г., с.2. «Прием Пестаны усиливает клеймо буржуазно-демократического духа в широких слоях кругов Конфедерации. Осторожно, товарищи».

со множеством искажений. Балиус счел себя вынужденным потребовать от своих унижителей привести доказательства в связи с направленными против него или распространяемыми в качестве слухов обвинениями в «марксизме»¹¹. Гильямон рассмотрел голословные утверждения о связях с ПОУМ и троцкистами и окончательно похоронил их. Не так легко отделаться от мифологии, окружающей то, что сами «Друзья Дуррути» признавали «легким новшеством», – революционную хунту (сам Гильямон, будучи марксистом, утверждает, что «Друзья Дуррути» по существу признали необходимость «диктатуры пролетариата», – прим. ред.).

Прежде всего, необходимо сказать, что слово «хунта» в испанском языке не вызывает таких мрачных ассоциаций, как в английском. Во главе любого рабочего союза CNT стояла хунта – совет, комитет. В Мексике во главе Мексиканской либеральной партии, анархистской организации братьев Магон стояла хунта. Так что само слово не содержит намека на авторитаризм.

(Кстати, сама идея Хунты, или Национального совета обороны не было столь уж радикальным разрывом с предшествующими взглядами и действиями CNT. Конфедерация давно имела собственные группы обороны, объединенные в федерации на региональном и общенациональном уровнях, а восстание CNT в декабре 1933 г. координировалось Национальным революционным комитетом. Подобная идея лежала и в основе Совета обороны Арагона, созданного анархистами осенью 1936 г. Речь шла, таким образом, о необходимости координировать действия в защиту революции. В 1976 г. Балиус объяснял историку Рональду Фрейзеру: «Мы не поддерживали создание Советов; в Испании не было никакой почвы для того, чтобы призывать к этому. Мы выступали за лозунг «Вся власть рабочим союзам». Никоим образом мы не ориентировались на политику», – прим. ред.).

Следующий момент, который нужно уяснить, состоит в том, что «Друзья Дуррути» призывали к созданию хунты, а не объявляли о ее создании. Если бы они действительно сформировали таковую и пригласили в нее ПОУМ наряду с самими собой, то иногда выдвигавшиеся против них обвинения в «анархо-большевизме» могли бы иметь в связи с этим некое основание. Но какая-либо хунта так никогда и не была создана, вопреки тому, что утверждали Жозе Пейратс и другие¹².

Одним из самых несправедливых отображений или искажений в отношении «Друзей Дуррути» стало включение Сесаром Лоренсо в примечания к своей книге «Испанские анархисты и власть» (Париж, 1972) ссылки на «Манифест Коммунистического союза», якобы имеющего отношение к «Друзьям Дуррути», ПОУМ и некоторым

¹¹ «Эль Амиго дель Пуэбло», №4, 22 июня 1937 г., с.2, статья «В собственную защиту: необходимо объяснение». «Я ошеломлен бесчисленными случаями того, что на меня наклеивают ярлык марксиста, потому что я – стопроцентный революционер». Этот комментарий наводит на мысль, что Балиус считал марксистами не стопроцентными революционерами, хотя «Друзья Дуррути» были достаточно великодушными, чтобы признать, что ПОУМ очень хорошо вела себя в ходе уличных боев в Барселоне в мае 1937 г. Это отклонение марксизма распространялось не на Марков анализ капиталистической экономики, а на марксистское представление об изменении общества, не на описательные, а на предписывающие моменты.

¹² J.Peirats. La CNT en la revolucion Espanola. Vol.II, p.147. Пейратс воспроизводит текст, гласящий «Революционная хунта была сформирована в Барселоне», соответствующим образом расставляя акценты. Сесар Лоренсо воспроизводит текст, взятый у Пейратса. Но текст, содержащийся у Пейратса, – это не цитата, а ошибочный пересказ.

элементам «Либертарной молодежи». В этой связи он дает понять, что «Друзья Дуррути» ассоциировались и, конечно же, объединились с марксистскими элементами в самозваный авангардистский союз. Но ничего подобного не было. Лоренсо утверждает, что манифест «распространялся в начале июня месяца», не уточняя, где именно¹³. В действительности, цитируемый им текст взят из листовки, распространявшейся в Париже на Зимнем велодроме 16 июня 1937 г. активистами крошечной французской организации «Коммунистический союз» в виде полемики с Гарсиа Оливером и Федерикой Монтсени, чтобы противопоставить защищаемой ими официальной линии CNT-FAI революционность, проявленную тремя названными группами в мае 1937 г. Неясно, почему Лоренсо не проясняет это обстоятельство: по недосмотру или чтобы представить «Друзей Дуррути» в качестве анархо-большевистской группы, но искажение было некритически подхвачено другими и внесло свой вклад в тень незнания, которая нависла над группой и ее идеями¹⁴.

Коммунистический союз пытался привлечь симпатии анархистских сторонников «Друзей Дуррути» (таких как Прюдомм), публикуя переводы статей из «Эль Амиго дель Пуэбло» в их собственной газете «Ль Энтернасьональ» в декабре 1937 г. Однако Коммунистический союз переоценивал дело, добавляя следующий комментарий: ««Друзья Дуррути» не могут сказать в рамках узких границ редакционной статьи в подпольном издании, что эта революционная теория – дело рук авангарда. Необходимость революционной теории предполагает необходимость революционного авангарда, выдвинувшегося в борьбе, который обсуждает и разрабатывает элементы революционной программы. Тем самым, необходимость «партии» или, с тех пор, как это слово «партия» слишком часто используется для обозначения предательских организаций, взаимосвязи между наиболее дальновидными, наиболее активными, наиболее вовлеченными рабочими». И их предсказание, что «... «Друзья Дуррути», несомненно, продолжат эту тенденцию, которая привела их к ассоциации с левыми элементами ПОУМ и может привести их к созданию революционной партии, какой так не хватало испанскому пролетариату в боях последних лет», было весьма далеко от истины, как ясно демонстрирует Гильямон¹⁵.

Нельзя отрицать, что был ряд вопросов, поставленных, но недостаточно проясненных на страницах «Эль Амиго дель Пуэбло» и более подробном манифесте группы «К новой революции». «Друзья Дуррути» сделали честную попытку выразить анархистским языком то, что, как они думали, могло бы позволить выйти из тупика стол обличавшейся ими снисходительности в отношении других антифашистов и придать второе дыхание революции, выродившейся в результате сотрудничества под общей крышей антифашизма. Они все время повторяли фразу о том, что революционеры должны «сжечь (этот) этап». Они стремились придать новую основу антифашизму, обеспечив гегемонию либертарного элемента рабочего класса и гарантировав ему

¹³ C.M.Lorenzo. *Los anarquistas españoles y el poder*. Paris, 1972, p.219, nota 32.

¹⁴ Полный текст листовки, цитируемой Лоренсо, можно найти в книге: H.Chaze. *Chronique de la revolution espagnole: Union Communiste (1933–1939)*. Paris, 1979, p.114–115. Хуан Гомес Касас в своей истории FAI (J.Gomez Casas. *Anarchist Organization: The History of the FAI*. Montreal – Buffalo, 1986, p. 210) некритически воспроизводит путаное примечание Лоренсо так, как будто бы это был текст «Друзей Дуррути».

¹⁵ H.Chaze. Op.cit., p.82 (из «Ль Энтернасьональ», №33, 18 декабря 1937 г.).

должную компенсацию за сверхбольшие усилия. Они стремились вдохнуть новую энергию в рабочие союзы, которые если не умерли, то лишились жизни, – вернув им автономию и подтвердив их главную роль, утраченную в результате сотрудничества с республиканскими силами¹⁶.

Не так давно из-под пера двоих испанских академических историков, Энрике Уселая да Каля и Сусаны Таверы, вышло новое абсурдное прочтение фактов, касающихся «Друзей Дуррути» и Хайме Балиуса. Начав с похвального намерения проследить динамику группы в либертарных кругах Каталонии, особенно в связи с выдвижением Хасинто Торио на роль издателя «Солидариад обрера» и глашатая «официальной линии» CNT-FAI в Каталонии, авторы переходят к макиавеллиевской повести о рухнувших журналистских амбициях Балиуса и цинично эксплуатируют опасения и обиды либертарных диссидентов. Гильямон справедливо называет их статью «бессмыслицей», «оскорбительной» и «пренебрежительной». Было бы жаль, если академическая степень авторов придала жизнь тому, что, несомненно, является образчиком весьма слабого и низкопробного исторического исследования. Их стряпня описывает читателям создание группы «Друзья Дуррути» в марте 1937 г. как «попытку внести важное политическое содержание в личное разочарование, выбрав в качестве врагов контрреволюцию и сталинистов и, в меньшей степени, ответственных за то, что Балиус был отодвинут в CNT»¹⁷.

Агустина Гильямана следует поздравить с тем, что он проделал свое исследование в духе научности. Оно написано понятным языком и дает нам точный и аккуратный рассказ об идеях и целях того, что остается самой чарующей и отчетливой из оппозиционных групп внутри большой семьи испанского либертарного движения в критическом 1937 году.

¹⁶ Возмущение республиканскими «союзниками» было широко распространено летом 1937 г. и раннее. Выдвигались даже путаные аргументы о простодушии анархистов: «Давайте ясно выразим принцип, что мы не проявляем лояльности по отношению к тем, кто нелоялен в отношении нас, что мы питаем уважения к тем, кто тайно предает нас, что мы не обязаны проявлять терпимость к кому-либо, кто склонен принуждать нас, как только окажется достаточно сильным, чтобы сделать это (...), что принцип не может обязать нас уважать свободу того, чей принцип состоит в том, чтобы отнять нашу свободу». («Беобахтер» в «Идеас», №29, 6 августа 1937 г.).

¹⁷ S.Tavera, E.Ucelay Da Cal. Grupos de afinidad, disciplina belica y periodismo libertario 1936–1938 // “Historia Contemporanea”, 9 (Servicio E. Universidad del País Vasco, 1993), p.184.

«ДРУЗЬЯ ДУРРУТИ»

Прошло 55 лет со времени создания в ходе Испанской революции «Друзей Дуррути». Это произошло конкретно 8 марта 1937 г., если верить сообщению органа 26-й дивизии «Эль Френте», после роспуска рабочих ополчений и создания «Народной армии». Если не ошибаюсь, его редактором был Рамон Лиарте. Эта подчеркнуто революционная группа была образована анархистами, полными решимости защищать CNT, FAI и «Либертарную молодежь»...

В CNT они не встретили доброжелательного отношения, потому что эти товарищи не соглашались с милитаризацией – ликвидацией ополчений и их заменой регулярной армией, – и с отходом от анархизма товарищей, которые в тот момент занимали посты в Национальном и Каталонском региональном комитетах CNT. Видя, как развиваются события, они сочли, что существует намерение сотрудничать с очередными политиканами и, следовательно, предать Революцию и народ, вступивший в революционную борьбу вместе с товарищами из CNT и FAI. Их клеймили как предателей, контрреволюционеров, пораженцев и, прежде всего, врагов, хотя они лишь защищали революцию с тем, чтобы вырвать народ из рабства, голода и тирании правителей, изменить общество и жить в условиях свободы и равенства между всеми трудящимися. На одном из пленумов было выдвинуто требование исключить их из организации, но ничего не вышло. Этого требовали, как всегда, те, кто были пленниками участия в правительстве, образованная публика (как происходит и сегодня), хотя исключить товарища может лишь рабочий союз, к которому тот принадлежит. Были и те, кто выступили в защиту обвиненных; тему затрагивали и на национальном пленуме, но дело так и не дошло до совершения тяжкой несправедливости в отношении товарищей, отдавших все ради Революции и Свободы.

Некоторые обвиняли одного товарища в марксизме; не буду называть имени, оно в памяти у всех, кто жил в эпоху революции и известно всем. Как пригодились бы нам, в CNT сегодня несколько «Друзей Дуррути», таких прирожденных борцов, готовых отдать жизнь на боевых и ответственных постах. Я не испытываю к ним недоверия только потому, что некоторые из них происходили из весьма благополучных семей (Бакунин и Кропоткин также происходили из семей, принадлежавших к высшим классам общества, но были более твердыми, чем многие другие анархисты). Говорят, что исправление – мать учения. Почему они не могли исправиться? Действительно, раз вступив в наши организации, они скрупулезно соблюдали организационные положения, сражались против фашизма на улицах Барселоны и в окопах.

Во время Майских событий, что бы там ни говорили, они были сердцем защиты Революции, вместе с «Либертарной молодежью». Но уже до этих событий они выступали с критикой действий, направленных против Революции и народа, совершаемых агентами коммунистов, Женералитатом и всеми организациями Народного фронта, действий, чья цель состояла в том, чтобы снизить влияние CNT и анархизма. Ведь

мы, обладая большинством во всех революционных органах, оказались не на той высоте, какой следовало ожидать от организации, с самого своего возникновения призывавшей к Революции.

Враги стремились дезорганизовать CNT и анархизм и одновременно клеймили POUM, небольшую партию, правда, отколовшуюся от сталинистов, но революционную. Ее распустили, ее активистов арестовали, Нина расстреляли, с ними обращались, как с фашистами. Был создан Специальный трибунал для рассмотрения дел о шпионаже и государственной измене. При этом те, кто должен был сидеть на скамье подсудимых, выступали в роли судей и обвинителей, и их следовало бы расстрелять еще до совершенного ими предательства. (...). Гегемония, которой мы обладали во всех органах, упывала мало-помалу, изо дня в день, и когда мы начали отдавать себе в этом отчет, то были уже в руках предателей, контрреволюционеров и реакции.

Нам не хватило ума, ответственности, умения действовать, ибо мы совершили немало разного рода ненормальных вещей и не сумели парировать их в надлежащее время. Революция никогда не должна проявлять слабохарактерность. Несомненно, у нас было предостаточно здравых людей, превосходных и настоящих революционеров, но, повторяю, мы не умели делать революцию, самую долгожданную, самую передовую, несшую самое большое благополучие трудящемуся классу и вызывавшую самый большой отклик в мире. И, к тому же, мы были первыми, кто вступил в открытую борьбу с германскими, итальянскими и франкистскими армиями.

Товарищи из группы «Друзья Дуррути» устояли перед лицом поражения в Майских событиях; у них хватило ума и прозорливости объявить и оповестить о том, что произошло. Россия и ее приспешники надеялись завладеть руководством войной и всеми органами государства, но единственное, чего они добились – это предать Революцию и испанский народ, предать фашизму народ, который на протяжении 33 месяцев сражался за более гуманную жизнь. Революция и война были проиграны, и испанский народ стал жертвой массовых расстрелов, тюрем, ссылок, голода, концлагерей, инквизиторских пыток и т.д.

Мы были обязаны совершить революции, под угрозой быть расстрелянными фалангистами военными, церковниками. Следует сказать правду о той вине, которая лежит на всех нас вследствие того, что Революция, наиболее быстрая и стремительная из всех, была погублена и проиграна. Причины? Их множество, и каждая может быть понята по-разному, так что еще и сегодня, 55 лет спустя, мы не смеем сказать правду, разумную, честную, гуманную и полностью гармоничную правду, которая позволила бы нам избавиться от острокизма, в каком мы находимся после поражения 1936–1939 гг.

«Друзья Дуррути» включали не только товарищай, сражавшихся в окопах, но и товарищай в тылу, ведь чтобы принадлежать к этой организации, непременным условием было членство в CNT. Все они были готовы отдать свои жизни за Революцию и за анархизм, в борьбе против государства и капитала, против церкви и военщины, за более гуманное общества равенства и справедливости.

Если проанализировать ход войны, насколько лучше была бы война партизанская. Она позволила бы нанести удар по объектам, крайне важным для разгрома врага, по сфере, в которой господствовали франкисты, – взрывая железнодорожные мосты,

прерывая пути снабжения, выводя из строя электростанции, пороховые склады, аэродромы и т.д.

Никто, как мне кажется, не может сомневаться, что мы не были подготовлены к Революции, но когда мы оказались ввергнуты в нее, нам не хватило способностей и соответствующих структур, чтобы добиться ее триумфа во всех сферах. И несмотря на все завоевания трудящихся, становилось все больше отклонений и сотрудничества с государством, чем Революции в собственном смысле слова. Вот почему «Друзья Дуррути», чтобы избежать контрреволюции, били тревогу не только среди бойцов, но и в тылу, где свили гнезда проникшие элементы контрреволюции вместе с марксизмом, мелкой буржуазией с Женералитатом во главе с его президентом Компанисом и другими левыми организациями. Но мелкая буржуазия, попав в руки коммунистической партии, устроила провокацию, и 3 мая 1937 г. Революция стремительно пошла вниз. Прекращение огня покончило со всеми иллюзиями пролетариата.

«Друзья Дуррути» осуждали протекцию, грабежи, нападения, ставившие под угрозу революционные комитеты, и вместе с людьми из POUM были единственными, кто выступил против прекращения огня. А затем «правительство победы» с его шефом д-ром Негрином на службе России и испанских коммунистов привело нас к поражению, во французские концлагеря и к массовым расстрелам, совершенным франкистскими ордами.

Франсиско Пикерас

(«CNT», febrero de 1993. no.146, p.6)

Некоторые заметки о членах Друзьей Дуррути

1. Хайме Балиус – журналист-калека. Бывший студент-медик, выходец из среднего класса. Выступал против диктатуры Примо де Риверы и с тех пор был связан с CNT и FAI. В 1935-1936 годах регулярно вносил взносы в организацию Solidaridad Obrera. Автор брошюры «Octubre catalan!», широко публиковавшейся в Solidaridad Obrera в 1935 году и посвященной Октябрьскому восстанию 34-го года. Также писал для газеты «Ideas» из комарки Бахо-Льобрегат – района твердых анархистов. Секретарь организации «Друзья Дуррути» и директор ее газеты. Был заключен в барселонскую образцовую тюрьму, а также содержался в Политической социальной бригаде при правительстве Негрина.

2. Пабло Руис – сражался на стороне Дуррути при взятии казарм Атаразанас в Барселоне в 1936 году. Занимал видное место в колонне Дуррути. Редактор газеты «El Amigo del Pueblo».

3. Доминго Паниагуа – редактор «Эль Амиго дель Пуэбло».

4. Хуан Эспаньол.

5. Минго – Понсиано Алонсо, автор «novelas de la ideal», столь популярных в кругах CNT-FAI до 1936 года.

6. Франсиско Каррено – близкий соратник Дуррути как член Военного комитета Колонны. Посетил Россию вместе с Мартином Гуделлом в конце 1936 года с посланием Дуррути советским рабочим, а не их правительству. Присутствовал на встрече «Друзей Дуррути» в театре «Полиорама» в Барселоне незадолго до мая 1937 года. Умер во Франции в феврале 1947 года.

7. Элеутерио Роиг – один из редакторов «El Amigo del Pueblo».

8. Хайме Родригес.

9. Хуан Сантьяго Калеро – лидер либертарной молодежи из окрестностей Малаги, член Каталонского регионального комитета Либертарной молодежи, отвечающий за прессу, пропаганду и культуру.

10. «Фульмен» – вел постоянную колонку в газете «Друзья Дуррути», посвященную аналогиям между испанской и французской революциями.

11. «Атарка».

12. Ада Марти.

13. Мануэль Санчес – из шахтерского городка Саллент, смерть которого была зафиксирована в «El Amigo del Pueblo» № 2 от 26 мая 1937 года.

14. Артемиса – писательница из «Эль Амиго дель Пуэбло».

15. Франсиско Гарсия – о смерти которого было сообщено в «Solidaridad Obrera» от 16 апреля 1937 года как о «представляющем особый интерес для группы „Друзья Дуррути“».

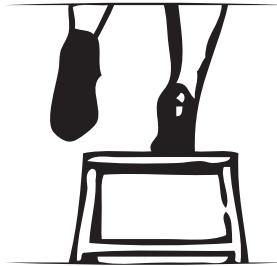
16. В газете *Solidaridad Obrera* от 28 мая 1937 года региональный комитет CNT и FAI, а также местная барселонская федерация профсоюзов заявили, что эти организации должны приступить к исключению членов «Друзей Дурруты» из своих рядов, если они публично не отрекутся от группы. На следующий день в газете *Solidaridad Obrera* появилось заявление Хоакина Оби и Розы Муньос о выходе из группы.

Балиус уверен, что группа пользовалась поддержкой низов CNT-FAI, а у «Друзей Дуррути» были группы в Сансе, Торрасе, Грасии, Сабаделле и Салленте, а также сочувствующие на арагонском фронте.

Друзья Дуррути были особенно сильны в Продовольственном синдикате. В «*El Amigo del Pueblo*» № 8 от 21 сентября 1937 года приводится отчет о нападении полиции на помещение этого профсоюза ранним утром 20 сентября 1937 года. Сотни гражданских (республиканских) гвардейцев с танками, артиллерией и пулеметами нагрянули в местное отделение, арестовав 23 человека. В «*El Amigo del Pueblo*» № 2 (26 мая 1937 г.) «Друзья Дуррути» сообщают о некоторых пожертвованиях в их фонд прессы. 1000 песет от группы X на Арагонском фронте, 1000 песет от товарищей из Пины, 100 песет от Мигеля Чуэки (из совета Арагона), 25 песет от Грегорио Ховера и 25 песет от комитета в Бельвер-де-Синка.

[В то время зарплата ополченца составляла 10 песет в день].

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Друзья Дуррути
К Новой Революции. Манифест «Друзей Дуррути».
Середина 1938

Скопировано 05.06.2025 <https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2016/08/1938.html>
Очень влиятельный памфлет анархо-синдикалистских бойцов CNT во время
Гражданской войны в Испании, которые выступали против кооптации их
организации в республиканское правительство.

ru.anarchistlibraries.net